

Чжан Шицун

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ДЕГАЕВЩИНЫ В РОМАНЕ НИКОЛАЯ СВЕЧИНА «РОКОВЫЕ ЧИСЛА»

ZHANG SHICONG
THE DEGAYEVISM IN N. SVECHIN'S NOVEL "FATAL NUMBERS"

Чжан Шицун

аспирант

► aidazh@126.com

Санкт-Петербургский
государственный университет,
Российская Федерация, 199034,
Санкт-Петербург,
Университетская наб., 7–9

Zhang Shicong

Postgraduate Student

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg,
199034, Russian Federation

Ретродетективы Николая Свечина, как известно, отличаются точным воспроизведением духа и быта описываемого исторического периода. Читатели относятся к произведениям писателя с большим доверием. В данной статье рассматривается изображение в романе «Роковые числа» так называемой дегаевщины — важной страницы в истории поздней Российской империи. Текст сопоставлен с документальными материалами о провокационной деятельности С. П. Дегаева под руководством Г. П. Судейкина. Автор статьи утверждает, что показания Дегаева в романе — это текст-пересказ, построенный на основе воспоминаний Л. А. Тихомирова. В речи Дегаева-персонажа обнаруживается множество моментов сходства с мемуарами Тихомирова. В то же время выявлено, что образ революционера-provokatora упрощен: Дегаев изображается как психологически несложный корыстный злодей. Образ Судейкина также отличается от своего прототипа. Если Судейкин в истории был эгоистом, не имевшим никаких идеологических убеждений, то Судейкин-персонаж в романе — сторонник либеральных преобразований. Данное отступление от истории объясняется тем, что покровитель жандармского подполковника, великий князь Владимир Александрович, в представлении Свечина был либералом. В построении приключенческого сюжета писатель не изменяет ход развития событий, а лишь домысливает некоторые моменты, которые остались белыми пятнами в исторической науке. Свечин, с одной стороны, стремится к правдоподобию, с другой — к простоте в изображении. Писатель не вдаётся в анализ личности того или иного деятеля и вносит в историю логику и последовательность, уничтожая все неясности.

Ключевые слова: «Роковые числа», Николай Свечин, С. П. Дегаев, Г. П. Судейкин.

Nikolai Svechin's retro-detective novels are known to be accurate in his reproduction of the spirit and way of life of the depicted historical period. Readers tend to believe in what the writer has written about the history. This article examines the depiction in the novel "Fatal Numbers" of the phenomenon of the so-called "Degayevism" in the history of the late Russian Empire. The text of the novel is compared with documentary materials about the provocative activities of S. P. Degaev and G. P. Sudeikin. The author of this article claims that Degaev's monologue is a retelling text based on the text of L. A. Tikhomirov's memoirs. There are abundant correspondences between the Degaev's monologue with Tikhomirov's memoirs. At the same time, it was revealed that the image of the provocateur has been simplified: Degaev's is portrayed as a psychologically simple, self-serving villain. The image of Sudeikin is also different from his prototype. If Sudeikin in history was an egoist and had no ideological convictions, then Sudeikin the character is a supporter of liberal reforms. This discrepancy between the novel and history is explained by the fact that the protector of Sudeikin, Grand Duke Vladimir Alexan-

drovich, in Svechin's view, was a liberal. Constructing an adventure plot, the writer does not change the outcomes of real events, but only speculates on some points that remained to be blank spots in history. On the one hand, Svechin is dedicated to guarantee the plausibility; on the other hand, the simplicity. The writer does not analyze in-depth the personality of figure, and introduces logic and consistency into history, destroying all the ambiguities.

Keywords: "Fatal Numbers", Nicolai Svechin, S. P. Degayev, G. P. Sudeikin.

Введение

В произведениях исторической беллетристики, как отмечает А. М. Лобин, наиболее полно отражены «качественные изменения в художественно-историческом дискурсе рубежа XX–XXI вв.» [Лобин 2017: 33]. Особой популярностью пользуются детективы, в которых «тайные причины исторических событий» изображаются как злая воля тайных обществ [Лобин 2017: 34]. К числу таковых относятся романы Николая Свечина, востребованные среди читателей в последние годы. В 2019 г. «стартовый тираж каждой книги Николая Свечина составляет 10 тыс. экземпляров и продается за 2–2,5 месяца» [Щеглова 2019]. Изучение творчества писателя не обходится без исследований исторической составляющей, так как, по словам Л. Данилкина, «свечинские детективы запоминаются не столько криминальной фабулой, сколько удивительными, ни в каких учебниках не сыщешь, сведениями» [Данилкин 2018]. Читатели, судя по отзывам, оставленным на сайте «Литрес», ценят в творчестве писателя в первую очередь достоверность сведений:

Несмотря на достаточно линейные и предсказуемые сюжеты (но и в жизни полно таких сюжетов, так что это не укор автору, а просто констатация факта), послушал почти всю серию. Почему? Очень познавательный, глубоко прорисованный исторический фон!.. [Литрес б].

Очень интересный цикл. Каждая отдельная книга интересна по-своему. Достаточно точно прописаны детали: описание Нижнего Новгорода, нравы преступной среды и «силовых ведомств», как говорят сейчас, и общества тех времен [Литрес б].

При этом нередко отмечается легкость восприятия детективов Свечина:

Именно с легкой руки Николая Свечина полюбила исторические детективы, действие которых происходит в дореволюционной России [Литрес а].

Читая книги из серии «Сыщик Его Величества», была счастлива. Читать — хотелось, читалось — с удовольствием. Герои книг были понятны, почти родны [Литрес б].

Автору настоящей статьи представляется необходимым сравнить художественные тексты Свечина с возможными историческими источниками, чтобы определить, насколько точно писатель следует им, а что искажает по идеологическим причинам и/или ради большей художественной выразительности, следуя законам массовой литературы.

Обсуждение

Борьба между революционерами и защитниками престола как одна из важнейших составляющих истории Российской империи конца XIX в. находит свое отражение в ретродетektивах Свечина. В романе «Роковые числа», в частности, в центре внимания так называемая дегаевщина — деятельность первого крупного провокатора в истории Российской империи, жандармского подполковника Г. П. Судейкина, и завербованного им революционера-народовольца С. П. Дегаева. Главная интрига, затеянная Судейкиным вместе с великим князем Владимиром Александровичем и связанная с замыслом царубийства, основывается на этом историческом сюжете.

В рассказе Сергея Дегаева, арестованного военной разведкой, обнаруживаются соответствия с обстоятельствами сотрудничества реального революционера-провокатора с Судейкиным. Так, исторический Судейкин, как и подполковник в романе, был талантлив и весьма изобретателен в ведении расследований и допросов. По словам Дегаева, Судейкин сумел «угрозами и лестью, а чаще искренним интересом и симпатией к арестованным, умением сыграть на слабых струнках человеческой души»¹ договариваться с противниками о сотрудничестве. Допросы, проведенные реальным Судейкиным, «больше напоминали «приятные беседы», в которых Судейкин, помимо

выяснения тех или иных обстоятельств, охотно делился своими соображениями о насущных российских проблемах» [Левандовский, Панькина 2019: 38].

Стремясь к предельно документированному правдоподобию, Свечин все же подвергает историю тонкой переработке. Так, в реальной истории Дегаев пошел на предательство по весьма неясным обстоятельствам. Некоторые историки считают, что арестованный в 1882 г. в Одессе народоволец на первом допросе никого не выдал [Панькина 2018: 98], а согласился на сотрудничество только на допросе, проведенном лично Судейкиным, который для этого срочно выехал в Одессу и необычными для того времени методами «стал убеждать не губить себя понапрасну, а лучше переменить тактику и к той же цели идти другими, более верными путями» [Панькина 2018: 100–101]. В принятом решении сыграло роль и то, что супруга революционера, Любовь Дегаева, дала откровенные показания уже на первом допросе [Панькина 2018: 101]. Существует мнение о том, что Дегаев задолго до ареста был завербован Судейкиным, и тот приехал в Одессу, чтобы вырвать своего агента [Лурье 1992: 183–184]. По сравнению с реальной историей в романе обстоятельства значительно упрощаются: Дегаев, помещенный в одиночку Одесского замка, «задумался над несчастной своей судьбой — и написал письмо Судейкину (о котором много слышал как о гении политического сыска)» [Свечин 2022: 298]. Свечин, скорее всего, опирается на воспоминания Л. А. Тихомирова, который рассказал, как Дегаев открыл ему, что после ареста хотел выбраться из тюрьмы любым способом и решил «попробовать сойтись с Судейкиным» [Тихомиров 2000: 391].

Обнаруживаются моменты сходства с воспоминаниями Тихомирова и в дальнейшем повествовании о том, как народоволец принял предложение Судейкина и отпраздновал Новый год под арестом вместе с женой; как Дегаеву устроили фиктивный побег и народовольцы приветствовали героя; как Судейкин с помощью агента сумел возглавить руководство «всеми ячейками “Народной воли”», а также как Судейкин поручил Дегаеву выманить Тихомирова на германскую терри-

торию, чтобы там арестовать. Заметим еще одну деталь: мемуарист перепутал в повествовании отчество Дегаева — вместо правильного «Сергей Петрович» Тихомиров называет его «Сергей Васильевич»². Свечин воспроизводит эту ошибку: «Сергей Васильевич воссоздал закрытую партийную газету...» [Свечин 2000: 300]. Представляется, что, данный момент однозначно указывает на основной источник сведений, приводимых Свечиным. Между тем воспоминания Тихомирова, часто цитируемые историками, не дают достоверной картины событий. Например, по мнению Н. А. Троицкого, то, что Дегаев возобновил партийную типографию с помощью Судейкина и последний сам редактировал газету «Народная воля», — это легенда, «которую ввел в обиход (уже сделавшись ренегатом) Л. А. Тихомиров и поддержал потом Г. В. Плеханов» [Троицкий 1976].

Дегаевский монолог в романе — это текст-пересказ, построенный на основе мемуаров Тихомирова. Тем не менее рассказ Дегаева слегка переработан автором. Так, Тихомиров иначе представлял, почему Дегаев «подумал именно о Судейкине»: «Судейкин распускал слухи, будто бы он убежденный народник и стоит не против пропаганды, а только против конституции» [Тихомиров 2000: 391]. В романе, как ни странно, Судейкин придерживается конституционных убеждений: «А кончится все... конституцией, поскольку Георгий Порфирьевич тоже считает абсолютную монархию анахронизмом и сам в душе либерал!» [Свечин 2000: 299]. В связи с этим меняется тон повествования: если Тихомиров, будучи ренегатом, писал о дегаевщине тоном человека, ненавидящего предательство, то в словах Дегаева порой встречаются иронически-циничные оценочные выражения (например, «в далекой и безопасной Швейцарии»; «дурочка» (о Вере Фигнер); «дураки-либералы» и т. п.), которые демонстрируют пренебрежение к революционным идеям и к своим товарищам, которых он выдал полиции.

Таким образом, при написании рассказа Дегаева о плане Судейкина писатель выбирает среди различных версий главным источником повествование Тихомирова, не вдаваясь в описание психологического портрета такой сложной личности,

как первый крупный провокатор в истории революции в Российской империи — Дегаев, который в ретродетективе предстает как банальный злодей-предатель, человек неглубокий, властолюбивый и в то же время трусливый. Это соответствует общей установке Свечина на упрощение образов преступников: антагонисты Алексея Лыкова в его романах, как правило, психологически несложные корыстные злодеи.

Что касается личности Судейкина, то, если верить современникам, реальный жандармский подполковник был лишен каких-либо политических убеждений. Л. А. Тихомиров, например, писал, что Судейкин «не был какой-то убежденный фанатик реакционной идеи <...> Он был просто глубокий эгоист, не стесняемый в своих стремлениях к карьере ни убеждениями, ни какими бы то ни было соображениями гуманности. Убеждений он не имел» [Тихомиров 1884: 92]. Карьерист решил прибегнуть к провокации из-за того, что министры Н. П. Игнатъев и Д. А. Толстой препятствовали его повышению. Данный факт нашел отражение в романе, где не раз упоминается о том, что граф Толстой недолюбливал Судейкина.

Как рассказывает Дегаев-персонаж, по замыслу подполковника провокационный план должен был привести к фактическому совместному (Судейкина и Дегаева) управлению государством. Этот момент восходит к мемуарам Тихомирова, который записывал мысли Судейкина со слов Дегаева: «...и тогда они вдвоем — Судейкин и Дегаев — составят некоторое тайное, но единственно реальное правительство, заправляющее одновременно делами надпольной и подпольной России» [Тихомиров 1884: 98]. О каких-либо либеральных преобразованиях, которые обещает Судейкин в романе, речь не шла. Сотрудничество было направлено на удовлетворение тщеславия и амбиций обеих сторон: «Цари, министры, революционеры — все будет в их распоряжении, все повезут их на своих спинах к какому-то туманно-ослепительному будущему, которое Судейкин, может быть, даже наедине с самим собою не смел рисовать в сколько-нибудь определенных очертаниях» [Тихомиров 1884].

Тем не менее стремление Судейкина к либеральным преобразованиям в России упомянуто

у Свечина неспроста. Сотрудничество с Дегаевым оказывается запасным планом подполковника, который под покровительством великого князя Владимира Александровича готовит покушение на Александра III руками уголовного Пересвета. Став регентом в случае смерти брата, а потом императором, Владимир Александрович мог бы обеспечить Судейкину блестящую карьеру. «Послесловие», завершающее текст романа, помогает читателям до конца разобраться в логике этой интриги. Следует сразу оговориться, что в своих ретродетективах Свечин обеспечивает достоверность изображения описываемой эпохи с помощью определенной повествовательной стратегии: в тексте порой встречаются отступления от основного сюжетного повествования, которые дают характеристику того или иного исторического события от лица самого автора. Повествования о *реальной истории* — это один из приемов, использованных писателем для создания *правдоподобного образа* Российской империи конца XIX в. Иначе говоря, граница между реальным историческим бытием и фиктивным историческим сюжетом в романе весьма размыта. Об этом отчасти свидетельствует начало «Послесловия»:

Так, для кого удачно, а для кого трагически закончилась совместная операция полиции и военной разведки под кодовым названием «Между Амуром и Невой». Расскажем теперь вкратце о дальнейших судьбах некоторых участников описанных нами событий [Свечин 2022: 434].

Несмотря на то что автор в «Послесловии» стремится к максимальной достоверности приведенных сведений (об этом свидетельствует, например, указание на источник цитаты — дневник А. А. Половцова [Свечин 2022: 440]), имеются основания для сравнительного анализа повествования в «Послесловии» с материалами реальной истории.

Читатели могут задать вопрос: чем отличается первичный план Судейкина — покушение на Толстого — от плана цареубийства? Ведь в результате обоих покушений место министра внутренних дел, которое занимал Толстой, освободилось бы для Судейкина. Ответ находится в «Послесло-

вии»: оказывается, великий князь Владимир Александрович «был сторонником конституционной монархии» [Свечин 2022: 440]. Великого князя с Судейкиным, помимо стремления занять соответственно трон или пост министра, объединяют общие либеральные убеждения. Это вымысел автора, так как в реальности по плану Судейкина отряд революционеров под руководством Дегаева должен был устроить покушение на Владимира Александровича [Тихомиров 1884: 97]. Великий князь не мог быть покровителем Судейкина. Тем не менее есть основания предложить возможный «протосюжет» этой интриги: покровителем исторического Судейкина был В.К.Плеве, директор Департамента полиции, который мечтал занять место графа Толстого, и «ему казалось, что Судейкин с Дегаевым старались для него освободить кресло» [Лурье 1992: 191]. В романе о благоприятных отношениях Судейкина с Плеве говорит Благово: «Плеве его очень уважал, а вот министр Толстой, говорят, недолюбливал» [Свечин 2022: 205].

Между тем в реальной истории великий князь был весьма привержен идеям консерватизма. «Будучи патриотом и государственным человеком, — пишут его биографы, — Владимир Александрович твердо стоял на позициях здравого консерватизма, преемственности национальных традиций, требуя уважения к нравственным и религиозным устоям, на которых веками базировалась российская государственность» [Крылов-Толстикевич, Барковец 2010: 148]. Свечин в своих суждениях, возможно, исходит из того, что 28 апреля, накануне опубликования Манифеста Александра III, определившего курс внутренней политики нового царствования, в кабинете Лорис-Меликова было проведено совещание министров, на котором Владимир Александрович, желая найти компромисс между либералами и консерваторами, предложил «на первый раз» ограничиться приглашением с мест «небольшого числа известных правительству дельных и вполне благонадежных людей» для обсуждения вопроса о порядке привлечения земских деятелей к рассмотрению некоторых законопроектов» [Зайончковский 1964: 373]. Предложение великого князя на первый взгляд могло произвести впечатление проекта не-

кой квазиконституции. Однако это не доказывает, что Владимир Александрович был сторонником либерализма: после смерти Александра II новый царь в письме к своему учителю К.П.Победоносцеву «с радостью подчеркивал, что его брат, Владимир, так же как и он, “не допускает выборного начала”» [Зайончковский 1964: 367].

Нет твердых оснований говорить о том, что Владимир Александрович никак не мог смириться «в душе с тем, что не он занимает трон Российской империи» [Свечин 2022: 438], и из-за этого мог пойти на цареубийство. Наоборот, у Александра с Владимиром с самого детства сложились весьма хорошие отношения. Известно, что Александр стал наследником престола только после смерти старшего брата Николая и современники, которые были невысокого мнения о новом наследнике, прочили трон Владимиру. Так, великая княгиня Елена Павловна «громко говорила, что управление государством должно перейти к Владимиру Александровичу» [Половцов 1966: 426] (об этом писал Свечин в указанном «Послесловии»). Тем не менее смерть Николая сблизила Александра и Владимира. Владимир с первых дней воцарения Александра «стал одним из главных его сподвижников» [Зайончковский 1964: 367].

Историки до сих пор не могут прийти к единому мнению о том, как народовольцы раскрыли предательство Дегаева: версии современников провокатора совершенно противоположены. Согласно Тихомирову, Дегаев в 1883 г. приехал в Женеву и, рассказывая о состоянии дел в России, внезапно стал признаваться в предательстве. Тихомиров, выслушав Дегаева, потребовал от провокатора «искупить свое преступление» [Тихомиров 2000: 395] — помочь переправить за границу несколько товарищей и организовать покушение на Судейкина. В воспоминаниях Е.А.Серебряковой, однако, говорится о том, что предательство Дегаева она раскрыла случайно и, приехав к Тихомирову, рассказала ему обо всем [Серебрякова 1924: 65–71]. В романе повествование основывается на версии Тихомирова. Ход реальных событий не изменен, писатель домысливает лишь причину внезапной исповеди провокатора: он был преждевременно разоблачен Таубе с Енгальчевым, которые

завербовали Дегаева. При этом в диалоге, решающем судьбу Дегаева, подчеркивается трусливый характер предателя. Сравним этот диалог с воспоминаниями Тихомирова, на который ориентируется автор романа:

— Я? Я не смогу. У меня не хватит духу! Я себя выдам, он очень хитрый, он догадывается! Это очень неудачная идея, ваше высокоблагородие!

— Хорошо. У меня есть более удачная идея — передать ваши показания вместе с документиком на шелке в руки Тихомирову и Дейчу. Ну как?

Дегаев сжался в комок [Свечин 2022: 303].

— ...Вы, вероятно, не успокаиваете себя мыслью, что у меня нет доказательств. Доказательств для меня не требуется. Я опубликую весь наш разговор в русских и заграничных изданиях, и вы понимаете, что мне поверят (Выделено Тихомировым. — Ч. III.). И вы будете тогда уничтожены, не будете нужны для Судейкина и не в состоянии будете вредить. <...>

— Хорошо, — сказал он. — Угроз не нужно. Я все сделаю [Тихомиров 2000: 395].

Заключение

Таким образом, при всем стремлении автора романа к достоверному воспроизведению истории — а именно это создало Свечину репутацию надежного исторического писателя — он все-таки подвергает материалы существенной переработке. В разбираемом случае, с одной стороны, упрощается личность Дегаева и шире — проблема провокации, которая фактически привела к разложению «Народной воли». Предательство объясняется трусливостью отдельного человека. С другой стороны, Свечин вносит логику и последовательность, уничтожая все неясности, остающиеся в исторической науке.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В рассказ революционера (характерно для исторических детективов Свечина) привнесено повествование от самого автора, который дает характеристику той или иной исторической фигуры. Один из примеров — рассуждение о гениальности Судейкина при вербовке агентов, которое завершается сноской о преданности завербованного подполковником агента Ивана Окладского, свидетельствующей о достоверности повествования. См.: [Свечин 2022: 298–299].

² «В это время <...> явился ко мне неожиданный посетитель — Сергей Васильевич Дегаев» [Тихомиров 2000: 387].

ИСТОЧНИКИ

Зайончковский 1964 — Зайончковский П. А. *Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880 годов*. М.: Изд-во Московского университета, 1964. 512 с.

Крылов-Толстикевич, Барковец 2010 — Крылов-Толстикевич А. Н., Барковец О. И. *Великий князь Владимир Александрович: страницы биографии*. СПб.: Абрис, 2010. 367 с.

Левандовский, Панькина 2019 — Левандовский А. А., Панькина М. А. На пути к провокации. Из истории политического сыска в Российской империи. *Вопросы истории*. 2019, (12): 34–42.

Литрес а — Литрес. *Отзывы о книге «Убийство церемониймейстера»*. URL: <https://www.litres.ru/book/nikolay-svechin/ubiystvo-ceremoniymeystera-8611704/> (дата обращения: 13.03.2024).

Литрес б — Литрес. *Отзывы о серии «Сыщик его величества»*. URL: <https://www.litres.ru/series/syschik-ego-velichestva-94835/?page=2> (дата обращения: 13.03.2024).

Лурье 1992 — Лурье Ф. М. *Полицейские и провокаторы*. СПб.: Час пик, 1992. 413 с.

Панькина 2018 — Панькина М. А. *Ночь после битвы. Дегаевщина и кризис в партии «Народная воля»*. М.: Common place, 2018. 182 с.

Половцов 1966 — Половцов А. А. *Дневник государственного секретаря*. В 2 т. Т. II. М.: Наука, 1966. 578 с.

Свечин 2022 — *Роковые числа*. М.: Эксмо, 2022. 448 с.

Серебрякова 1924 — Серебрякова Е. А. Встреча с Дегаевым. *Былое*. 1924, (25): 65–71.

Тихомиров 1884 — Тихомиров Л. А. В мире мерзости запустения. *Вестник «Народной воли»*. 1884, (2): 91–125.

Тихомиров 2000 — Тихомиров Л. А. *Тени прошлого. Воспоминания*. М.: Изд-во журнала «Москва», 2000. 720 с.

Троицкий 1976 — Троицкий Н. А. *Дегаевщина*. 1976. URL: <https://libmonster.ru/m/articles/view/ДЕГАЕВЩИНА> (дата обращения: 07.04.2023).

SOURCES

Зайончковский 1964 — Zaiionchkovskii P. A. *The crisis of autocracy at the turn of 1870–1880*. Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta Publ., 1964. 512 p. (In Russian)

Крылов-Толстикевич, Барковец 2010 — Krylov-Tolstikovich A. N., Barkovets O. I.

Grand Duke Vladimir Alexandrovich: Pages of biography. St. Petersburg: Abris Publ., 2010. 367 p. (In Russian)

Левандовский, Панькина 2019 — Levandovskii A. A., Pan'kina M. A. On the way to provocation. From the history of political investigation in the Russian Empire. *Voprosy istorii*. 2019, (12): 34–42. (In Russian)

Литрес а — Litres. *Reviews of the book “The Murder of the Master of Ceremonies”*. Available at: <https://www.litres.ru/book/>

nikolay-svechin/ubiystvo-ceremoniymeystera-8611704/ (accessed: 13.03.2024). (In Russian)

Литрес 6 — Litres. *Reviews of the series "His Majesty's Detective"*. Available at: <https://www.litres.ru/series/syschik-ego-velichestva-94835/?page=2> (accessed: 13.03.2024). (In Russian)

Лурье 1992 — Lur'e F. M. *Policemen and provocateurs*. St. Petersburg: Chas pik Publ., 1992. 413 p. (In Russian)

Панькина 2018 — Pan'kina M. A. *The night after the battle. Degayevism and the crisis in the Narodnaya Volya party*. Moscow: Common place Publ., 2018. 182 p. (In Russian)

Половцов 1966 — Polovtsov A. A. *Diary of the Secretary of State*. In 2 vols. Vol. II. Moscow: Nauka Publ., 1966. 578 p. (In Russian)

Свечин 2022 — Svechin N. *Fatal numbers*. Moscow: Eksmo Publ., 2022. 448p. (In Russian)

Серебрякова 1924 — Serebriakova E. A. Meeting with Degayev. *Byloe*. 1924, (25): 65–71. (In Russian)

Тихомиров 1884 — Tikhomirov L. A. In the world of abomination, desolation. *Vestnik "Narodnoi voli"*. 1884, (2): 91–125. (In Russian)

Тихомиров 2000 — Tikhomirov L. A. *Shadows of the past. Memories*. Moscow: Izd-vo zhurnala "Moskva" Publ., 2000. 720 p. (In Russian)

Троицкий 1976 — Troitskii N. A. *Degayevshchina*. 1976. Available at: <https://libmonster.ru/m/articles/view/DEGAEVShchINA> (accessed: 07.03.2024). (In Russian)

ЛИТЕРАТУРА

Данилкин — Лев Данилкин про Николая Свечина. 2018. URL: <https://old-v0rchun.livejournal.com/291993.html> (дата обращения: 07.03.2024).

Лобин 2017 — Лобин А. М. Беллетризация истории как метод репрезентации истории в русской литературе XXI века. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2017, 12-3 (78): 32–35.

Щеглова 2019 — Щеглова Д. *Николай Свечин между двумя революциями*. 2019. URL: <https://godliteratury.ru/articles/2019/09/13/nikolay-svechin-mezhdu-dvumya-revolyuciyu?ysclid=lrto715zu8225625165> (дата обращения: 25.01.2024).

REFERENCES

Данилкин — Lev Danilkin about Nikolai Svechin. 2018. Available at: <https://old-v0rchun.livejournal.com/291993.html> (accessed: 07.03.2024). (In Russian)

Лобин 2017 — Lobin A. M. Fictionalization of history as a method of representing history in Russian literature of the 21st century. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2017, 12-3 (78): 32–35. (In Russian)

Щеглова 2019 — Shcheglova D. *Nikolai Svechin between two revolutions*. 2019. Available at: <https://godliteratury.ru/articles/2019/09/13/nikolay-svechin-mezhdu-dvumya-revolyuciya?ysclid=lrto715zu8225625165> (accessed: 25.01.2024). (In Russian)